

Н.Е. НИКИТИН

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Н. Е. НИКИТИН

Спецпереселенцы — 2

АВТОРИЗОВАННОЕ
КОМПЬЮТЕРНОЕ ИЗДАНИЕ
БЕЛГОРОД
2008

Н. Е. Никитин.
Н 62 Спецпереселенцы - 2
Белгород, 2008 г., 398 с.

Раскулачивание, война — величайшие трагедии нашего народа. Нельзя забывать минувшее. Старшее поколение больше склонно к оправданию или подражанию прошлому, чем к его осмыслению. Еще Конфуций говорил: Три пути человека, чтобы разумно поступать: первый, самый благородный, — размышление, второй, самый легкий, — подражание, третий, самый горький, — опыт». Наш народ выбрал третий путь, хотя его манит второй.

Автор, продолжая начатую тему о спецпереселенцах в первой книге, ссылаясь на авторитеты, разъясняет на примерах, что необходима ломка стереотипов прежнего мышления, внушенного нам СМИ.

Сын в отличие от отца выбирает другой жизненный путь.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Писать или не писать вторую книгу «Спецпереселенцы»? Этот вопрос возникал у меня не раз. Прошло три с половиной года после выхода в свет первой книги, охватившей период с 1917 года по 1938-й. Причин с обеих сторон было много. Глеб Иванович Успенский в свое время тоже мучительно раздумывал: стоит ли браться за мемуары, роман или повесть, уверяя: «Я человек неопределенного положения, неопределенного звания, человек случайных средств, человек случайного «встречного» общества, человек неуравновешенного нервного развития — следовательно, какой же может быть толк от моих наблюдений для людей, живущих не таким «как бы по ветру гонимым «обычаем» ».

А ведь он написал и шестой том, откуда взято его изречение, и девятый!

Хорошо, то классик. Его любили, к нему прислушивались. А что я? Правда, шесть книг моих уже издано. На седьмой же застопорилось. И как раз седьмая книга была задумана о спецпереселенцах как продолжение первого тома. Сам бросил заявку, что будет две книги — вот и думай теперь, как быть. Выходит: прокукарекал, а там хоть не рассветаи! Так дело не пойдет. Да и земляки, прочитав первую книгу, стали одолевать, чтобы писал продолжение — более сотни подстегивающих писем.

Это все «за». А что же тормозит? Лень? Есть и она. Эта подружка тут как тут, «уговорит» лучше жены не писать. Хотя причина в основном далеко не в лени.

Об отце, матери, о их «райской» и адской жизни написал. События тридцатых годов осветил настолько реально, что многие читатели пишут в отзыве, мол, поменяй фамилию, имена — и будто бы Вы описали жизнь моих родителей. Оно и верно: судьба у спецпереселенцев схожа: раскулачивание, ссылка — вагоны-телятники, смерти, голая степь, норы (лучшего комфорта и не придумаешь!), бараки из дерна, самана, голод, болезни и — строительство колхоза.

Все, как у всех. Отсюда и слезные воспоминания, и жалость к погибшим родным, и — проклятия тому режиму, который с легкой руки был наречен человечеству любезным Сталиным. Да, да, «любезным»! А что? Заикнись сейчас, мол, Сталин такой-разедакий, так пенсионеры, потерявшие в своих штанах, заплюют тебя, доказывая: «Сталин выиграл войну, при Сталине то-то и то-то было построено, снижались розничные цены на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию!».

Во всем этом надо разобраться. Идя или сопровождая кого-то в рай, оглянись: не по человеческим костям ли идешь — вот о чем забывает болезный народ. А надо, ох, как надо помнить об этом! Ругают Гитлера, а Сталина превозносят... По праву же — оба они фашисты! Открой рот об этом раньше — сгноили бы в тюрьме или, в лучшем случае, тут же расстреляли. Дожили, слава Богу, до свободы слова!

Дожили и до свободы действия. Не так ли? Выходи на площадь и митингуй, кричи в рупор, чем ты недоволен. Пожалуйста, щекочи нервишки своему полуголодному собрату. Еще дедушка Крылов сказал: «А Васька слушает да ест». Современные Васьки жрут в три горла, и им все мало. Довели народ до нищеты, а сами

делят власть и стараются поглубже запустить зубы в общественный, государственный пирог — и никак не нажрутся.

А после сладкого пирога куда ни шло баить сладкие речи по телевидению о все большем улучшении жизни. Только кому? Спуститесь, господа, к народу и спросите: «Как вам живется?». И что же, вы думаете ответят? Правду? Как бы не так. Скорее, преклоняясь, — какая честь, что обратился к нам! — ответят: «Жизнь хороша!». Лишь хочется добавить: «Вот только жаль, не успеешь привыкнуть к хорошему, как она (жизнь) становится еще лучше».

— Да, мы рады, что можем ежеквартально поднимать цены на продукты! Мы рады за счет увеличения квартальной платы пополнить бюджет на тот самый сладкий пирог или каравай. Мы рады, что появилась возможность увеличить стоимость проезда на городском и междугороднем транспорте. Мы рады, мы рады... Кто эти «мы»? Всем известно. И остальным известно. Они, эти «остальные» тоже рады увеличению пенсии — собаке брошенная кость. Что быстрее увеличится — цены на продукты или пенсия — не понимают только дети да в психбольнице.

Неужели в России наступит стабилизация и закончится беспредел? Увы! По Гарвардскому плану, разработанному Комитетом 300, развален такой мощный Союз. Братские народы разобщены. Промышленность и сельское хозяйство в упадке. Разорены колхозы, нищают и пропадают деревни, в городах растет безработица, зарплата — одно надругательство. По «ящику» же с бычьим упрямством внушается, что жизнь становится все лучше, жить все веселей. Кому?

Как же об этом все и всем написать? Кто я? Рядовой,

как и все, обыватель, пенсионер, доживающий свой век на нищенской пенсии — вот и все! Ведь все видят и знают наши условия жизни. Так, может быть, не стоит лишний раз говорить о них? С другой стороны, о спецпереселенцах знают все, даже есть день памяти репрессированным, 31 мая. Знают и тем не менее благодарят за книгу, написанную мной, и просят, просят писать продолжение.

Что же, в первой книге — повесть о Егоре Семеновиче и его отце. В 1954 году оборвалась жизнь замечательного простого русского человека, крестьянина, любившего землю и безвременно ушедшего в нее. Остался у него сын — я. Но как писать о себе? Кто я такой? Вот уж действительно получается прямо как у Глеба Ивановича Успенского.

...И тем не менее — написал еще одну книгу, не о себе думая, а о той жизни, которую я, мы прожили.

Николай Никитин.

I

Сказывают: Адам и Ева — первые спецпереселенцы, изгнанные Богом на землю, — поселились у реки. Вот только какой? Мои земляки настаивают — у Карагалы. Этой байке хочется верить — просто из уважения к тому народу, который был лишен райской жизни на «обетованной» земле. Люди были брошены в казахстанские степи на выживание. В страданиях и муках, в борьбе с голодом и болезнями они вновь строили свое счастье.

Они полюбили речку Карагалу. Дарили ей цветы, радовались ее весеннему очищению и пели песни. Карагала в ответ ласкала их взор золотом кувшинок и кристально-белыми лилиями. И как было не любить свою речку! Разноликая, она живым существом тянется

По камушкам...

от Кудрявой горы до Ишима и на пути своем то мирно спит в тихих заводях, то весело журчит по непорожистым камням. Навстречу ей — густой камыш. Он шепчется о чем-то своем, недолговечном. А

с крутого берега в глубину ее голубовато-зеленых вод, как в девичьи глаза, смотрятся ракиты.

Горная речка и кормила, и поила спецпереселенцев. Рыбачили детвора и взрослые. Каждый рыбак имел свои излюбленные места. Там же и купались. Возле дома Никитиных, шагах в двадцати, друзья Назым Мустафин, Борька Салимов, Васька Александриды и Колька Никитин

запрудили камнями пяточок речки, сделав «баньку». В ней отогревались. А еще неподалеку от перехода с Восьмого на Седьмой поселок ценилась «бездонка». Там пацаны испытывали себя на храбрость. Надо было побороть боязнь, чтобы прыгнуть с высокого берега, хотя бы «солдатиком», в бездну реки.

Полдень. Припекает июньское солнце. Коровы, пригнанные на дойку, по брюхо залезли в речку, спасаясь от зноя и слепней. Легкое ли дуновенье степного ветерка, вспорхнет ли стриж или ласточка у гнезда в крутом берегу, всплеснет ли рыбка на перекате — все мило сердцу. Вот ветерок прикоснулся к воде и, напившись живительной влаги, полетел на колхозные поля и там порадует прохладой тружениц.

Клонится день к вечеру. Серовато-дымчатая мгла мягко ложится на зеркало реки, запутывается в камышах и прибрежной лозе. Становятся слышнее голоса — идут бабы с Давыдовской плантации. Наскоро обмываются в реке и спешат домой. Им ещё предстоит дойка коров и приготовление ужина.

А старшеклассникам не сидится дома. С Седьмого посёлка река несёт песню о влюбленном парне, который на закате ходит возле дома своей избранницы, не осмелев открыться. На Восьмом, в заовражье, — своя «свадьба»: то частушки, то песни про ямщиков, то про Сибирь да коробейники. Резко выделяются окрепшие голоса парней про трех танкистов — самая популярная песня Бориса Ласкина и композитора Дмитрия Покраса. Балалайка перекликается с гармошкой. А где гармонь-музыка, там и девчата. Собираются они стайкой у реки или у крайнего дома, а к ним тянутся парни. От Карагалы веет прохладой. Ее свежесть бодрит и снимает усталость после трудового дня.

День прошел. Еще один календарный день 1938 года. Что он дал людям, стране? Чем этот год отличается хотя бы от двух предыдущих? Прежде всего, в стране усилилась работа по созданию механизма для массового террора. Под «мудрым» руководством Сталина разработаны зверские карательные законы с самым решительным толкованием понятий «саботаж», «вредительство» и «контрреволюционные преступления», система карательных органов и знаменитый ГУЛАГ с его сыновним Карлагом в Казахстане. Еще на XVI съезде партии в 1930 году Сталин заявил: «Репрессии являются необходимым элементом наступления». Генсек считал, что применение насилия является органичным элементом мирного существования социализма.

По инициативе Сталина 29 июля 1936 года была принята секретная инструкция «О допустимости применения любых методов следствия в отношении «шпионов», «контрреволюционеров», белогвардейцев, троцкистов и отъявленных «врагов народа» и рассматривается как правильный метод». Известно, что термин «враг народа» придуман Сталиным. Данная инструкция развязывала «тройкам» руки. Так что, в процессе предварительного следствия очень часто применялись пытки, которые нередко оканчивались трагически для обвиняемых.

Волна репрессий накрыла всю страну. После раскрестьянствования массовый террор честных, безвинных людей пришелся именно на 1936-1939 годы. Сталин уничтожил примерно 60 процентов членов ВКП (б) состава 1924 года. В 1934 году на XVII съезде

партии было избраны членами ЦК 1225 человек, но впоследствии 1108 из них были расстреляны и репрессированы.

Руководствуясь указаниями и советами «великого вождя» на местах, в Казахстане была проделана большая «организационная» работа по разоблачению врагов народа. 16-23 января 1937 года на VII Пленуме Крайкома КП Казахстана второй секретарь С. Нурпеисов в своем докладе говорил: «То, что мы сумели разоблачить и исключить из партии значительное количество врагов, не дает нам никакого права успокаиваться. Наша обязанность — поднять еще выше большевистскую бдительность, мобилизовать парторганизацию, чтобы каждый коммунист умел распознавать и своевременно разоблачать троцкистско-зиновьевских гадов, агентов фашизма, контрреволюционных националистов, правых отщепенцев и других врагов партии и народа».

За активную работу по разоблачению «врагов народа» в феврале и мае, 1937 года были присвоены специальные звания некоторым работникам органов безопасности Казахской ССР. Среди них были и работники Карагандинского облуправления комитета госбезопасности.

А так в стране все хорошо, как в той песне: «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо». Живет своей зачумленной жизнью поселок, затерянный в глухой степи. Нет у людей ни электрического света, ни радио, оторванные от мира, как на острове. Новость можно узнать лишь у колхозной конторы — единственной радиоточки на весь поселок.

Гремит черная радиотарелка на столбе. Несет она вести о сталинской Конституции тридцать шестого года, о новых преобразованиях в стране, индустриализации. На

собрании во вновь отстроенном саманном клубе объявили, что Киргизская АССР раздвоилась на Казахскую ССР и Киргизскую ССР.

— А нам хоть и на Армянскую! — проворчал Корчагин, — а вот умолчали, что Казахстан заселили в основном русские. Сколько нас сюда понагнали, и сколько погибло!

Только на следующий год выяснилось: состоялась перепись населения по всему Союзу. Ожидалось 168 миллионов человек, но, как ни странно, оказалось на пять миллионов меньше. Куда же они подевались? Сгинули без следа!

Увы, след остался. Кровавый след. Раскулачивание. А это значит — голод, смерти, расстрелы. Об этом черная тарелка не сообщала. Это из уст в уста передавала доверительная молва. От народа ничего не скроешь! Его политическими байками не усыпишь.

Но то молва. А просочились и официальные данные по людским потерям крестьянства в довоенный период. В 1917 году численность сельского населения страны равнялась 118 миллионам человек, а в 1939 году составила 114 миллионов. Но за двадцать два неполных года в деревне родилось еще 94 миллиона человек. Математики подсчитали: если к 118 прибавить 94, то по всем канонам простейшей арифметики получается 212 миллионов. Теперь отнимем число (50 миллионов) умерших по естественным причинам и количество уехавших в город (20 млн.). Выходит, как ни крути, 28 миллионов крестьян умерли не своей смертью. Вот они потери крестьянства в годы насаждения колхозов и раскулачивания! Многие погибли в ссылках и лагерях, при подавлении восстаний, в пересыльных пунктах, малое число — из Гражданскую войну. Прошло каких-то восемь-девять лет, и народ

помнит, как умирали от голода и холода, как эпидемии уносили детей и ослабевших стариков! Ничто не забыто!

А теперь радиотарелка раздирается чуть ли не на весь поселок, что в стране все хорошо, все благополучно. На земле семимильными шагами идет перестройка, индустриализация. По плану ГОЭЛРО в домах вспыхивают лампочки Ильича (хотя в поселках - керосиновые лампы, а то и коптишки), покоряется небо. Голубые просторы полонит советская авиация. Вот уже летчицы, первые в мире женщины, Марина Михайловна Раскова, Валентина Степановна Гризодубова и Полина Денисовна Осипенко совершили беспосадочные перелеты Москва — Дальний Восток (район Комсомольск — на — Амуре) и Севастополь — Архангельское, установив мировой рекорд.

Валерий Чкалов

Это было 28 сентября 1938 года. Но черная тарелка на этот раз не сообщила, что Гризодубова потерпела аварию, и ее самолет «Родина» нашли только 3 октября. К чему волновать народ?! Да еще в тот период, когда летчицам присваивали Героя Советского Союза! Когда Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов покорял

американцев своим свистом

Тут бы и вспомнить большие заслуги Центрального Аэрогидродинамического института имени Николая Егоровича Жуковского. Успехи советских летчиков — это прежде всего достижения ученых ЦАГИ, имеющего на своем счету уже два ордена — Трудового Красного Знамени и Красного Знамени. Однако радиотарелка снова умолчала о том, что менее чем через год ведущие инженеры ЦАГИ оказались за решеткой, и

авиапромышленность окажется на грани развала. Увеличилась брешь между правительством и учеными. Лубянка стала «приютом» и для такого колосса, как знаменитый физик-теоретик Лев Давыдович Ландау.

Пострадали и работники культуры — в январе 1938 года Сталин закрыл театр Мейерхольда. Самого Всеволода Эмильевича заточили в тюрьму. Его жена, Зинаида Николаевна Райх, написала Сталину: «Вы ничего не понимаете в искусстве» — и тут же была доставлена на Лубянку.

Попрана русская православная церковь. Более 95 тысяч русских храмов закрыты, из них не менее трети взорваны, другие осквернены и перестроены. Иудей Каганович, идейный руководитель, борясь за уничтожение храмов, еще осенью 1930 года в Москве и ряде других городов России запретил колокольный звон. За 1925-1938 годы по РСФСР, Восточной Украине, Восточной Белоруссии снято на переплавку 385810 колоколов.

Вместе с тем партия воинствующих большевиков в начале тридцатых годов сделала ставку на углубление индустриализации, базой которой стало увеличение норм накопления и вывоз зерна за границу. Такая административная накачка дала определенные сдвиги в повышении темпов экономического роста. Но ресурсы быстро иссякали. И тогда, с 1933 года вплоть до начала Великой Отечественной войны зерно стали вывозить в гораздо меньшем количестве. Сельское хозяйство кормило промышленность, где рабочие, неудовлетворенные оплатой труда, не торопились в поте лица выпускать те сотни тысяч тракторов, о которых говорил Ленин.

Как все это сопоставить и понять простому крестьянину? Что творит Сталин и его клика? Крестьянина, оторвав от вольного труда, загнали в

подневольный. Это не прошло даром. Произошла существенная перемена в настрое и отношении к работе. Теперь уже от него трудно было дожидаться полной отдачи. Понадобится еще много лет, чтобы смириться с новыми условиями труда, поверить власти, что она действительно желает улучшения условий жизни своего народа. Но пока что из-под палки — и урожай жалкий.

II

Еще в тридцать пятом протрубили, что отменили карточки, наладили государственную торговлю, взяли направление на обобществление сельского хозяйства.

— Что это — трудновыговариваемое слово — такое «обобществление»? — пожимали плечами крестьяне.

— Да, известно что: опять начнут превращать все индивидуальные хозяйства в коллективно-общественные, — объясняли более грамотные.

— А чего ж они нам дали, чтобы опять отнимать? — не доходило до большинства земледельцев.

Словно подслушав недоуменные разговоры сельчан, радиотарелка поясняла: «По ленинскому декрету землю отдали крестьянам бесплатно».

— Отдать-то отдали, да только налогами обложили, как волков флажками, — шептались одни.

Другие поддерживали:

— Мало того, что обложили, стали отбирать все, что мы вырастили.

— И этого им мало: согнали с обжитой земли и выслали сюда, в глухую степь!

Но не все роптали на власть, вступая в солидарность

со сталинским выражением: «Жить стало лучше, жить стало веселее». На собрании председатель колхоза Филипп Иванович Вольман сказал, мол, после упадка сельского хозяйства в прошлом году урожай зерновых в этом повысился. И овощей на плантациях хватило не только расплатиться с государством, но и выдать на трудодни колхозникам — картофеля, капусты, свеклы. Так что, сталинское изречение сбывается.

Народ жеотреагировал иначе: «Шея стала тоньше, но зато длиннее».

— Радуюсь куску хлеба на столе, — сказала не без иронии Агафья Михайловна Никитина.

И ее хорошо понял муж, Федор Семенович:

— Да, уж тут порадуешься: одними налогами придушили, чего стоит! Каждая семья должна сдать государству 300 яиц, 100 килограммов мяса, 200 литров молока за год. К тому же, на приемном пункте занижают жирность молока и прибавляют для сдачи литры.

— А ты еще забыл про три килограмма шерсти...

— Вот-вот, мало того, что оставляют без продуктов, так надери им еще и шерсти! А с кого?

— Придется заводить коз, — вставил брат, Егор Семенович.

— До чего дошло: приходят домой и забирают телят.

— А у кого нет в хозяйстве животных, что тогда?

— Известно что: долги переведут на деньги, сумму запишут в лицевой счет и в конце года будут погашать за счет трудодней — так ведь сказал Вольман?

— Так-то оно так, да трудодней этих кот наплакал, — не вытерпела Таисия Васильевна, — за год что я заработала? — 194 трудодня.

— Это же в прошлом году, помнится мне, — бросил на нее взгляд муж.

— Тьфу, ты, как маленький! Ну и что, в этом чуток побольше, за двести. Только передовица Анна Ханова выработала 252 трудодня.

— И девяносто восемь сотых! — с весельем улыбнулся Федор Семенович.

Но Таисия Васильевна, не обратив внимания на его иронию, продолжила, — так она же — знатный овощевод! Хотя, чего там, все мы знатные. С темна до темна горбимся на поливных плантациях. За день тяпкой так намахнешься, что к вечеру рук не поднять. Гляди-ка, заработала двести трудодней! А что на них — не лошадь, далеко не уедешь. Меньше двух килограммов зерна дают на трудодень.

— Да и то — фуражного, — уточнил Федор Семенович, — с него-то и мука получается не хлебная, потому что клейковины мало.

— Мало ли мы такого хлеба здесь поели, как саманы... — с обидой закончила Таисия Васильевна.

— Ну, ты прямо-таки и скажешь «саманы», — не выдержал Егор Семенович, — из Осакаровки или из Пятого поселка, правда, привозили спрессованный хлеб, а после того, как сделали свою пекарню, спасибо Филиппу Ивановичу, теперь вон какие буханки выпекают!

Маленькая Нюра, услышав о хлебе, задержала мать:

— Хочу корочку!

Отец улыбнулся:

— Вот видишь — и ребенку наш хлеб нравится. Отлومي-ка, мать, дочурке корочку, пока сын не подрос. А поднимется на ножки — тоже полюбит корочку. Наперебой будут требовать: дай да дай! — Он погладил по головке дочь, — ничего, я им со стана буду привозить их любимые горбушки.

Упадок сельского хозяйства в тридцать седьмом году заставлял задумываться не одни лишь колхозы, но и государство в целом. В январе тридцать восьмого года вышло постановление «О мерах по упорядочению трудовой дисциплины...».

— Теперь нарушения трудовой дисциплины будут караться не только дисциплинарными взысканиями, но и придаваться суду, — объявил на собрании Вольман.

Государство стало болезненно оберегать свое богатство — хлеб. Это и естественно: хлеб еще со времени переворота (а не революции в стране!), завоевания большевиками власти стал их инструментом, формой подавления всякого сопротивления. Более того, сосредоточив в своих руках весь хлеб и всю власть, ставилась задача любым способом истребить россиян — от голода и тифа до кровавого террора. В «России» была статья, в которой прямо говорилось: «Ну, умрут с голоду 35 миллионов человек, но это умрут неграмотные, невежественные, ленивые, тупые, грязные люди. А на смену им придут новые, молодые, энергичные...». Даже появился закон, по которому за горстку украденного зерна полагался расстрел.

И поставленная задача успешно реализовалась. Изъятие хлеба у крестьян не один год приводило к голоду и повальным смертям. Крестьяне, вырастившие своим трудом хлеб и хотевшие его продавать, а не отдавать бесплатно, — все они разбойники (по выражению Ленина). Не те разбойники, кто с оружием в руках грабят крестьянина, а те, кто не хочет отдавать свой хлеб бесплатно! Изъятие хлеба ради голодающих — дело благородное и чистое, как слеза. Кто против — тот враг.

Его надо уничтожить. И Ленин указывал, а Сталин встал на его путь политических решений, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Народ утверждал, что под сатанинским кличем «Да здравствует красный террор!» Сталин продолжил «великое» дело иуды Ленина.

Под предлогом борьбы с голодом гению человечества пришла мысль ограбить все храмы, монастыри, церкви. Изъяли хлеб, изъяли церковные ценности — и что? Голод прекратился? Увы! А большевики положили в свой фонд сорок восемь миллиардов в золотых рублях. Сколько же человек при этом было расстреляно, закопано живыми, зарублено топорами, замучено пытками — учету не поддается.

По этому поводу Филипп Иванович дома, лишь при жене, высказался:

— Сталин, на первый взгляд, вроде бы борется за укрепление государства. Однако безжалостно эксплуатируются русские крестьяне. Их превращают в рабов. Это же ведет к подрыву государственных устоев!

— Да, — понимала его супруга Амалия Андреевна, работавшая овощеводом, — ты вон попытался утвердить свой план, а тебе что сказали?!

— Известно, что: дали по шапке, мол, не лезь туда, куда тебя не просят. Получаешь разработанные плановые задания централизованно — вот и помалкивай!

— А чем это оборачивается?

— Сама помнишь, как на следующий же год заготовительные цены на сельхозпродукцию государство установило в три раза ниже их себестоимости.

Вольман, всегда уравновешенный, но энергичный в колхозных делах, разгорячившийся своей речью, хотел сплунуть на пол, но, посмотрев на чистые строганные

доски, недавно постеленные, сдержался. В замешательстве виновато посмотрел на супругу и продолжил:

— Кроме заготовительных цен и закупочные стали низкими, а потому и ввели обязательные поставки мяса, молока, яиц, шерсти.

— И тебе приходится чуть ли не самому ходить по дворам, чтобы забирать у людей телят, если они не сдают мясо!

Филипп Иванович почувствовал, как у него начинает закипать в груди, и, чтобы не прорваться едкому пару наружу, он смягчил обстановку:

— Сознаюсь, было такое, но теперь-то кто не сдает мясо или животных, мы переводим долг на деньги и вписываем в лицевой счет сумму.

Амалия Андреевна работала на плантации и, постоянно общаясь с мужем по производственным делам, стала многое понимать в вопросах планирования.

— Наш колхоз «Новобытный» терпит убытки от того, что самому колхозу не дают возможность самостоятельно планировать. А обязательные поставки продуктов с каждого гектара земли носят произвольный характер.

— В этом ты права. Не только наш колхоз, а все по Тельманскому району терпят убытки. Чтобы их покрыть, с колхозников снимают последние штаны.

— Хорошо, что твои слова не слышат комендантские прихвостни, а то бы... Вон, арестовали же Ямщикова, Кузьмина, Морева. Они, правда, были побогаче остальных, может быть, поэтому их забрали.

— Скорее всего, причина тут другая: партийцы их ненавидели, НКВД считал неблагонадежными. Конечно, у нас уже много семей живет в достатке, потому что честно трудятся и в колхозе, и у себя на приусадебных участках. Возьми хотя бы Никитиных. Ты знаешь, какой в этом году

вырастил урожай Егор Семенович? Э... Такого еще не было ни в одном колхозе нашего района! Представляешь, сто двадцать мешков! И картофелины с кулак, а есть по килограмму и больше. Пять штук — ведро.

— Жди, и его снова раскулачат.

— Нет, Никитина не тронут. Мы участок Егора Семеновича сделаем показательным и пригласим для перенятия опыта агрономов и председателей из других колхозов. Нашему агроному он уже все рассказал. На следующий год внедрим его опыт у себя.

— Вот и хорошо. Тогда у лодырей-злопыхателей не будет повода наушничать энкавэдэшникам на доброго человека.

III

Егора Семеновича переполняло счастье: в канун памятного дня святителя и чудотворца Николая Мир Ликийского, 8 мая, родился сын. У него уже две дочери, тоже майские, как и он сам. Но какой отец не мечтает о наследнике! Мечтал и Никитин.

— В хозяйстве всегда нужен помощник, — скрывая волнение, говорил он, — у моего отца вон — шестеро сыновей, с такой бригадой можно горы своротить!

На другой же день Егор Семенович купил пять саженцев тополя и посадил их под окном дома.

— Будет о всех нас память, — сказал он жене.

Таисия Васильевна неважно себя чувствовала после родов. Обострились боли в ногах, простуженные на поливных плантациях Давыдова. Боль подкрадывалась в

основном под вечер. Ноги ломило и выкручивало. Приходилось парить их в горячей воде. Иногда боль отступала, и тогда Таисия весело хлопотала по дому, колесом вертелась вокруг приехавшего со стана мужа, успевая заниматься детьми. Тут еще Нюрочке исполнилось только два годика. Хорошо, что помогала двенадцатилетняя дочь Маруся.

Май не обошел и главу семьи. Никитин Георгий, почему-то прозванный Егором, — с 1898 года. Его мать Александра Михайловна и отец Семен Егорович подарили свету сына в день великомученика Георгия Победоносца. Святой Георгий почитается, ко всему, как покровитель скотоводства и земледелия. Егор стал скотоводом и настоящим земледельцем. А каков он «настоящий земледелец»? Про одного говорят — землю чувствует задом, когда пора сеять. Про другого — берет, мол, в руки горсть земли и тоже чувствует ее, как живую плоть. Егор относился к тем и другим. Его интересовало только земледелие и уход за скотиной.

Мужики про него говорили:

- Ему сорок, а бабы его не интересуют.
- Не скажи, жену-то любит!
- Да, он как все, но какой-то не такой...
- Конечно, не как ты — болтать не любит. С утра до вечера то в огороде, то со скотиной.

Оно и так: до тридцатого года Егор в Есине занимался своим хозяйством, а в Казахстане — колхозным.

Земля и кормила, и притягивала к себе, но постепенно отнимала здоровье. По ночам судорога сводила ноги. Да ещё нервные стрессы от жестокого сталинского режима. Но он не жаловался. Лишь во сне раздавался его надрывный стон.

- Егорушка, что с тобой? — шептала разбуженная

жена.

— Ничего, мать, все пройдет. Спи, спи, — успокаивал он ее.

Не о себе думал Егор Семенович, а о сыне. Что-то тот слабо прибавлял в весе, рос хиленьким. Все боялись, что мальчонка не выживет. Мать молила Бога, чтобы дотянуть до семи месяцев, потом до семи лет — было такое поверье: коль выживет ребенок до того времени, значит, будет жить. Ей приходилось кормить сынишку одной грудью. Вторая не давала молока — тоже на нервной почве.

А еще: до семи дней надо было назвать ребенка. Но тут мать с отцом впервые разошлись во мнениях. Егор настаивал на имени Алексей — по меньшому своему брату, или Михаил, как звали сына брата Ивана. Таисия же стояла на своем, проявляя присущее ей упорство:

— Назовем в честь святителя и чудотворца тоже Николаем, Коленькой. Чем тебе не нравится это имя? Будет и у нас свой защитник.

— Вот Алексей — как раз и есть «защитник».

— А святитель Николай — один из самых святых среди христиан. Ему мы с Агафьей молились, когда нас везли в Архангельск, да когда замерзали в ямах в тридцать первом году и выживали в бараках. Молитва святому Николаю помогает в жизненном устройстве детей и в исцелении в различных недугах.

Таисия ничего попусту не говорила, и для Егора ее доказательства всегда были убедительны.

— Ты, Таисонька, права, соглашался он, слегка сопротивляясь, — да вот... по старому стилю поминаем Николая.

— А мне новый... Ох, Егорушка, — не договорила она, — я лишь и живу-поддерживаюсь в душе

Содержание:

Вместо предисловия.....	5
Главы романа.....	9-374
Письмо Воронова Андрея Алексеевича.....	375-377
Фотографии.....	378

Отзывы и пожелания, а также заказы на книги
«И в горе, и в радости», «Трудная любовь»,
«Улыбка озера», «Спецпереселенцы»,
«Спецпереселенцы -2», «Перелом», «Мечь»
направляйте по адресу:
308002, г. Белгород, ул. Парковая, За, кв. 2.
Тел.: (4722)31-15-59

Литературно-художественное издание

Николай Егорович Никитин

роман

«СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ -2 »

Редактор, составитель Н. Е. Никитин

Компьютерный набор, верстка, дизайн

Ангелины Буняевой

Корректурa Н. С. Саяпиной,

Л. Н. Сторожевой

Переплетные работы М. В. Буняевой

Авторизованное компьютерное издание

Гарнитура «Times New Roman Cyr», усл. печ. л.

24, 68.